

Volgogr. obl., Volgogr. region. otd-nie Ros. o-va istorikov-arhivistov. Volgograd : Print, 2012. S. 709–710.

2. Galkova O.V., Komissarova E.V., Petrova I.A. [i dr.]. Kulturnoe nasledie Volgogradskoy oblasti (struktura i aktualnyie problemyi ohranyi pamyatnikov kulturyi). Volgograd : Izd-vo VolGGMU, 2013.

3. Galkova O.V. Rossiyskie traditsii ohranyi kulturnogo naslediya : dis. ... d-ra ist. nauk. Volgograd, 2012.

4. Galkova O.V. Rossiyskie traditsii ohranyi otechestvennogo kulturnogo naslediya : monogr. Volgograd : Izd-vo VGPU «Peremena», 2011. S. 7–130.

5. Ilina A.I., Shishkin P.N. Materialy k arheologicheskoy karte Stalingradskogo, Hoperskogo i nekotoryy chasti Astrahanskogo i Kamyishinskogo okrugov Nizhne-Volzhskogo kraya. Stalingrad, 1929. S. 28–34.

6. Kamentseva E.I., Ustyugov N.V. Russkaya metrologiya: ucheb. posobie. 2-e izd. M.: Vyssh. shk., 1975.

7. Komissarova E.V. Regionalnoe kulturnoe nasledie kak osnova formirovaniya patrioticheskogo soznaniya studentov v protsesse prepodavaniya gumanitarnyyh distsiplin // Izv. Volgogr. gos. tehn. un-ta. Ser. : Problemyi sotsialno-gumanitarnogo znaniya. 2014. Vyip. 15. № 2(129). S. 19–26.

8. Mamontov V.I. Dubovoe // Arheologicheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti / Kom. po kulture Adm. Volgogr. obl, VolGU; redkol.: A.S.Skripkin (gl. red.) [i dr.]. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2009.

9. Minh A.N. Istoriko-geograficheskii slovar Saratovskoy gubernii. Saratov, 1898.

10. Pallas P.S. Puteshestvie po raznyim provintsiiyam Rossiyskogo gosudarstva. Spb., 1788. Ch. 3. 2-ya polovina. S. 154–169.

11. Petrov A.V., Galkova O.V. Traditsii i innovatsii sohraneniya rossiyskogo kulturnogo naslediya // Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskie i obschestvennyie nauki. 2012. № 3. S. 153–157.

12. Habarova N.V. Tsatsa / Arheologicheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti / Kom. po kulture Adm. Volgogr. obl, VolGU; redkol.: A.S.Skripkin (gl. red.) [i dr.]. Volgograd : Izd-vo VolGU, 2009.

13. Shilov V.P. Kurgannyiy mogilnik u s. Tsatsa // Drevnosti Kalmykii. Elista, 1985. S. 94–157.

14. Iessen A.A. Dnevnik polevyih rabot 1929 g. // Arhiv Leningr. otd-niya In-ta arheologii AN SSSR. F. 2. D. 112. L. 32.

15. IstoricheskayaspravkaoSvetloyarskomrayone// Arhiv Svetloyarskogo munitsipalnogo kraevedcheskogo muzeya.

16. Mamontov V.I. Otchet o rabote otryada VOKM v 1967 g. // Arhiv Volgogr. obl. kraeved. muzeya (VOKM). № 25. S. 2–15.

17. Nazarov A.A. Otchet o provedenii arheologicheskikh issledovaniy v 2001 g. arheologicheskoy ekspeditsiiy ONPTs. Volgograd, 2002 // Arhiv VOKM. № 185. S. 36–63.

18. Svetloyarskiy rayonniy istoriko-kraevedcheskiy muzey [Elektronniy resurs]. URL : http://www.welcomevolgograd.com/articles/musei/svetloyarskiy_rayonniy_istoriko_kraevedcheskiy_muzey.html / (data obrascheniya: 06.05.2014).

19. Sayt Svetloyarskogo munitsipalnogo rayonno-go muzeya [Elektronniy resurs]. URL : <http://svyar.net/> (data obrascheniya: 06.04.2009).

Cultural and historic landscape as the factor of sociocultural development of the region (by the example of the Svetloyarsky district of the Volgograd region)

There is covered the issue of the complex investigation and preservation of the regions' natural and cultural variety as a part of the world culture heritage by the example of the Svetloyarsky district of the Volgograd region known for its natural landscape and cultural variety.

Key words: *culture heritage, culture landscape, monument, museum, traditions, regional studies.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2014)

Е.В. САВЕЛОВА
(Хабаровск)

**ПРОБЛЕМА ТЕЛЕСНОСТИ
В КРИЗИСНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

Рассматривается отношение к телесности как феномену современной кризисной культуры в рамках феноменологического, психоаналитического и социального подходов, выявляется проблематика телесности в романе Мишеля Уэльбека «Элементарные частицы».

Ключевые слова: *телесность, современная культура, сексуальность, психоанализ, социальный подход.*

*Мы живем на заре небывалой эпохи.
Обновленная жизнь наполняет наши тела,
Озаряет наши тела,
Дарит нашим телам ореол немеркнувшей радости.*
М. Уэльбек

История формирования и развития представлений о «homo somaticus», о месте и значимости человеческой телесности в структу-

ре личности и в социальном пространстве, о принципах сопряженности или противопоставленности телесного и духовного в человеке полифонична и насыщена разнообразными идеями и концепциями. Отправным пунктом в исследовании феномена телесности как в зарубежной, так и в отечественной практике был и остается взгляд на телесность с позиции смысла, с позиции анализа ее ценностного содержания, т. е. взгляд сквозь призму мира человека, культуры, а не мира природы или обезличенного социума.

В западной философии телесности долгое время господствовала практика историзма, отрывающая историю и культуру от природы, телесное от духовного. Раскрываясь через предельно широкие мировоззренческие категории (мир, я, другой человек), проблема телесности, тем не менее, оставалась в принудительной рамке любой естественнонаучной парадигмы. Устойчивые традиции разъединения телесного (природного) и культурного начал, понимание тела как плоти, требующей преобразования, определили к началу XX в. во многом негативное отношение к человеческой телесности и вытеснили тело человека в маргинальное ценностное пространство.

XX в. характеризуется кардинальным изменением отношения к телесности как феномену культуры. Тело человека из периферийных, маргинальных областей социокультурного пространства перемещается в центр внимания и становится точкой отсчета в определении онтологических основ как бытия отдельной личности, так и культуры в целом. Так, в частности, мы можем наблюдать перформансы современных художников с демонстрацией физических и даже физиологических проявлений телесности. Возникает определенный культ телесных недостатков и отклонений от нормы (театр инвалидов, боди-арт, ассоциация сексуальных меньшинств, нудистские движения и др.).

Стало очевидно, что тело не может быть объектом традиционного рефлексивного анализа. Современные направления и подходы к человеческому телу исследуют и интерпретируют его в контексте имманентных человеку сфер и факторов (антиметафизическое направление). Наиболее принципиальными из таких подходов являются:

– феноменологический (тело как феномен, являющийся проблемой сам по себе) – М. Мерло-Понти, А. Арто, Ж. Делез, Ф. Гваттари и др.;

– психоаналитический (тело с точки зрения бессознательных структур) – З. Фрейд, А. Маслоу, В. Франкл, А. Адлер, С. Фишер, С. Кливленд и др.;

– социальный (тело в системе социальных отношений) – М. Мосс, А. Франк, Б. Тернер, М. Фуко и др.

Феноменологический подход является одним из основных направлений социокультурного анализа телесности. Принципиальным для него становится вопрос о теле как самостоятельном базовом объекте исследования. Телесность здесь понимается как порождающая структура, предшествующая интенциональным актам сознания, и реализуется в понятии феноменологического тела. Оно находится в пограничной зоне между социальной системой и субъективным миром и, преодолевая разрыв этого интересубъективного мира, становится значимым инструментом для формирования смыслов [1, с. 38].

Учение З. Фрейда о психическом аппарате, базирующееся на идее бессознательного, утверждало значимость человеческой телесности, в которой коренятся глубинные инстинкты и желания – детерминанты жизни человека. Телесность Фрейд рассматривал в духе позитивной медицины, отождествляя тело с организмом (тело равноценно плоти), а проявление психической жизни связывал функциональной зависимостью с телом. Существенное место в его концепции занимает патологический феномен тела как знаково-символическая форма пережитого опыта социализации. По З. Фрейду, общество – сила, которая беспощадно подавляет человеческую телесность, поэтому человек вынужден постоянно испытывать на себе антагонизм культурных достижений и сексуальных импульсов бессознательного. При этом человек не удовлетворен культурой, которая резко обуздывает его свободу, в том числе и сексуальную, и которая не дает ему возможности полного удовлетворения своих сексуальных порывов [7].

Представитель социального метода в анализе человеческого тела М. Мосс в своих работах раскрывает процесс внегенетического наследования через социально формируемое тело. Он вводит понятие о телесных техниках как способе, каким «от общества к обществу люди узнают, как использовать свое тело», они лежат в основе того, «что мы считали допустимым и запрещенным, естественным и неестественным» [3, с. 145].

Одним из аспектов темы телесности в современной гуманитарной мысли стала проблема власти сексуальности, о которой размышлял французский философ-постструктуралист М. Фуко. Сексуальность, по М. Фуко, – это не свойство биологии и психики человека, не только связь с человеческим телом или сексуальными органами, а социальные отношения, которым подчиняются люди, и главными из них являются властные отношения.

Формирование сексуальности М. Фуко относит к XVIII–XIX вв. и связывает с появлением в рамках социальных институтов (церкви, школы, суда, медицинского учреждения) задачи отслеживать отклонения от нормы (патологии поведения) с целью возвращения к ней. Граница между нормой и патологией устанавливалась как раз этими социальными институтами. И ответной реакцией индивида на контроль и подавление было следующее: то, что толкуется как запретное, начинает быть притягательным. Индивид начинает искать причину и источник своих проблем и под влиянием науки (физиологии и психологии) находит ее в телесных удовольствиях, в сексуальных проявлениях. В современном мире, по мнению М. Фуко, тело оказывается в центре множества технологических сил, которые регулируют его ритм через надзирающий контроль и уровень самоконтроля. Техники подчинения тел (дисциплинарные институты, демография и т.п.) «образуют великую технологию власти, одной из которых будет диспозитив сексуальной власти» [8, с. 245].

Таким образом, к концу XX в. прежняя парадигма видения тела сменяется признанием того, что есть не только тело, которое нам принадлежит, но и тело, которому мы принадлежим [5]. Поэтому представляется особенно интересным и актуальным рассмотреть проявления проблемы телесности на примере литературного произведения одного из самых читаемых современных писателей – французского поэта, романиста, публициста, лауреата премии Гонкуров 2010 г. Мишеля Уэльбека. М. Уэльбека называют одновременно и выдающимся мэтром социальной полемики начала XXI в., и изощренным мастером литературной провокации, и «Карлом Марксом секса», «литературным маргиналом» [4, с. 7], и «крытым зеркалом поколения» [9, с. 154], и «порнографическим убожеством» [2, с. 100].

Продолжая линию философствования, начатую О. Шпенглером в «Закате Европы», М. Уэльбек рассматривает в своих произведениях, в том числе и в романе «Элементар-

ные частицы», принесшем ему мировую славу, все кризисные явления современного общества, связанные с последовательным и неизбежным регрессом культуры и переходом ее в стадию угасания и гибели. Это и одиночество человека, несмотря на всевозможные современные средства связи и коммуникации между людьми, и организованный досуг, направленный сугубо на развлечения и возможность общения, и наличие большого количества свободного времени в связи с облегчением условий работы и жизни, и потеря человеком всех моральных ценностей, семейных традиций, смысла жизни, ее ценности в собственных глазах и глазах общества. Даже само название романа «Элементарные частицы» перекликается с идеей О. Шпенглера о том, что душа культуры умирает, когда распадается связь всех ее элементов, разрушается целостность структуры и гармония стиля.

Рассмотрим, как реализуется проблематика телесности в сюжетной и идейной канве романа. В нем описывается жизненный путь двух сводных братьев – Брюно Клемана и Мишеля Джерзински. Оба брата оказались брошенными своей матерью (как и отцами), были лишены любви и внимания со стороны родителей. Их мать, Жанин Секкалди, была ярким примером человека современного общества, не отягощенного какими-либо обязательствами, она стремилась к личной свободе за счет свободы других людей. Она была одной из первых, кто стал продуктом своего времени – массового общества (*Она-то принадлежала к удручающей категории предтеч. В своем роде вполне приспособленные к образу жизни большинства современников, предтечи вместе с тем стремятся «быть выше», проповедуя новые либо пропагандируя еще мало распространенные способы существования**). Бросив детей, Жанин не испытывала никакого сожаления и не вспоминала о них. Жанин – самый яркий в романе образ современной женщины, у которой утрата материнского инстинкта является порождением желания быть всегда молодой, сексуально притягательной. Отказ от заботы о детях дает ей ощущение безответственности, а значит, беспечности – юности.

Отсутствие материнской любви и ласки, заботы и внимания со стороны отцов не прошло бесследно для детей. После смерти бабушки, матери Жанин, отец и мать Брюно предпочитают отправить сына в интернат, чтобы не нарушать ход своей жизни. Единствен-

*Роман М. Уэльбека «Элементарные частицы» здесь и далее цитируется по [6].

ными приятными моментами его жизни в то время были выходные, когда он бывал у своего отца и наедался самых разнообразных сладостей вплоть до тошноты: так его тело отвечало на многочисленные телесные унижения и издевательства от интернатских мальчишек.

Став взрослым, Брюно решает стать преподавателем-гуманитарием, т. к. таким специальностям обучается больше девушек, а соответственно, есть возможность поиска среди них сексуальных партнерш. Поиск телесных наслаждений был единственным смыслом его жизни. Он хотел соответствовать созданному стереотипу сексуально успешного мужчины, т. е. «быть как все».

После многих попыток найти свое счастье он встретил идеал женщины, с которой почувствовал себя впервые счастливым, спокойным и уверенным, т. к. первый раз в жизни чувствовал себя сексуально желанным партнером. Кристиана отнеслась к нему почти с материнской нежностью и заботой, увидев в нем маленького обиженного мальчика, который ничего дурного в своей жизни не сделал. Но стоило Кристиане серьезно заболеть, как Брюно почти сразу решает оставить ее. В их отношениях не было родства души, только и превыше всего отношение и сопряжение тел, и если тело дало сбой, то это необратимая трагедия и невосполнимая потеря для обоих. При этом в поведении и словах самой Кристианы не будет упрека за то, что Брюно оставляет ее. Как только она узнает, что будет прикована до конца дней своих к инвалидной коляске, она почти сразу уходит из жизни, смиряясь с неизбежным законом главенствования телесного в человеческой жизни.

Таким образом, Брюно, за всю свою жизнь не научившись нести ответственности за другого человека, со страхом, что ему останется мало времени на удовольствия, так и не понял, что со смертью Кристианы теряет все. Только постоянно состояние желания и его же неудовлетворение было для него жизнью. С полным и окончательным крахом всех своих ожиданий Брюно не смог справиться и отправился в психиатрическую лечебницу, где и находился до своей смерти. При этом в глубине души он осознавал, что за всеми его сексуальными вожеланиями стояло простодушное желание коснуться любящего тела, ощутить объятие любящих рук (*Нежность превыше соблазна, потому-то утратить надежду так трудно*).

В романе много места занимают страницы, на которых описываются многочисленные сексуальные сцены – от сцен подросткового онанизма Брюно до жесточайших сцен сексу-

ального насилия. Сексуальные сцены описаны просто, реалистично, как констатация событий. М. Уэльбек практически половину книги пишет о разных сексуальных отношениях между героями. Секс волнует их всех, их жизнь наполовину или и того больше состоит из него: герои им занимаются, думают о нем, страдают от его недостатка или задумываются о его значимости. Когда же они более не могут быть полноценными, сексуально активными, желанными противоположному полу, они страдают, сходят с ума, добровольно уходят из жизни.

Наслаждение, достигаемое обычными способами, считается примитивным и несовременным. В либеральном обществе, где жили Брюно и Кристиана, сексуальная модель, предлагаемая официальной культурой (рекламой, журналами, общественными организациями и здравоохранением), была моделью авантюрной. Внутри такой системы желание и наслаждение предстают как результат процесса «соблазнения», выдвигающего на первый план новизну, страсть и личную изобретательность (*В лоне такой системы половые члены неизменно жестки и громадны, груди насыщены силиконом, вагины слюнявы и очищены от волос*).

Тема телесных удовольствий, которые никогда не станут доступными для каждого, когда и как ему хочется, подчеркивается в описании жизни Брюно. Он частенько посещал места, где каждая женщина по замыслу этого заведения и в духе рекламируемого общества свободного секса должна была отдаваться ему, но этого не происходило. Даже в эпоху хиппи свободная любовь была свободна не для всех, и в этой сфере была своя иерархия и высший класс, формирующий по внешним физическим признакам. Не обладая внешними данными, чтобы занять высшую ступень в этой иерархии, Брюно приходилось довольствоваться своим более низким положением. Таким образом, во время показного обилия секса видно, что это очередной товар, воспользоваться которым может только тот, у кого есть деньги.

Читатель постепенно ощущает весь ужас тупика, в котором оказался Брюно, ставший заложником своей чрезмерно развитой сексуальности. А ведь на самом деле он был человеком простым, с обычным темпераментом, ценящим нежность и заботу в отношениях, но не умеющим этого осознать, т. к. современное рыночное общество постоянно подталкивает искать все новых и новых «незабываемых» впечатлений. Но обилие телесных развлечений не приносит ему счастья. А надеж-

да на любовь, которая мелькает перед окончательным крахом героя, исчезает так же быстро, как и появилась.

В отличие от своего брата, Мишель, ставший ученым-физиком, полностью отказывается от всех физических удовольствий. Он, как его отец, испытывал какое-то отторжение ко всему естественному, живому, чувственному в природе. Живя аскетичной, спокойной жизнью, он не мечется в поисках бесконечных удовольствий. Казалось бы, сам способ его существования заранее отрицает любое разочарование в жизни, но в конце концов и он погибает от неспособности чувствовать, пробудить то эмоциональное и телесное начало, которое было гипертрофированно развито у его брата. Встретив в зрелом возрасте Аннабель, подругу детства и юности, Мишель размышляет: *Сам он хотел бы только любить, по крайней мере он не желал ничего иного. Ничего определенного. Жизнь, полагал Мишель, должна быть чем-то простым, чтобы ее можно было прожить как череду маленьких обрядов, исполнение которых бесконечно повторяется. Эти ритуалы подчас глуповаты, но на них, тем не менее, можно положиться. Жизнь без игры случая, без драм.* При встрече с Аннабель он не мог испытывать никаких сильных чувств, кроме сочувствия и сострадания. А вся его эмоциональная сфера была полностью подчинена интеллектуальной, и единственное, что его впечатлило, описывается на страницах романа так: *Он замер без движения, пораженный геометрической очевидностью спаривания, очарованный упругостью и роскошеством слизистых оболочек; незадолго до эякуляции его посетило видение – до предела отчетливое – слияния гамет и тотчас вслед за этим первого клеточного деления. Это было как бы забеганием вперед, маленьким самоубийством.*

И все же смерть Аннабель повлияла на Мишеля. Первый раз в жизни заплакав на ее похоронах, он ощутил несправедливость смерти, и, возможно, именно это повлияло на его дальнейшие исследования, в которых он попытался заново возродить условия возможности любви. Сам не познав любви, Мишель через Аннабель смог создать представление о ней, он получил возможность понять, что любовь в известном смысле, в еще неведомых формах может иметь место. В конце своей работы по созданию новых возможностей любви Мишель заканчивает жизнь самоубийством, лишенный всех человеческих привязанностей. При этом признавая, что в своих бедах люди не должны винить только себя, он знал: *Так случилось не только по их вине; они*

жили в бедственном мире, мире соревнования и борьбы, суетности и насилия; гармонического мира они не знали. С другой стороны, они ничего не сделали, чтобы изменить этот мир, ничего не привнесли в его улучшение.

В «Элементарных частицах» всю свою грязь, страдания, боль, безысходность, одиночество и бессилие человек пытается утопить во власти, богатстве, сексе, насилии над другими существами, и если у него это получается, он на время забывает боль. Садизм, сексуальные извращения – тоже проявления кризиса современного общества, поиски все новых сфер удовольствий. Когда обычные сексуальные отношения приедаются, индивид, свободный от ограничений традиционной морали, обращается к жестокости. Абсолютная свобода в сексе, подрывающая способность к любви и в телесном, и в духовном плане, приводит к свободе в ненависти, в насилии и убийстве.

Как следствие неискоренимого культа сексуальности общество потребления вводит культ тела как самого желанного продукта, чем устанавливает фетишизацию самого человека. Культ тела в романе неразрывно связан с культом молодости, ведь только юные тела вызывают желание. М. Уэльбек говорит о непрерывном угасании, разложении людей, подчеркивая их недолговечность, хрупкость и тленность. Так, автор дотошно, натуралистично показывает на примере умершей бабушки Мишеля то, что происходит с телом после погребения. Проходит несколько десятков страниц, и М. Уэльбек опять описывает, что произошло с телом через 20 лет, как оно выглядит после эксгумации.

Подобных сцен, постоянно напоминающих, что человек смертен, он умирает и превращается в ничто, в романе много, как и размышлений о быстротечности жизни, о постоянных переживаниях, как мало времени осталось на удовольствия жизни, а поскольку единственное удовольствие – это секс, то, по мнению героев романа, человеку отпущено буквально несколько лет физической активности и привлекательности. Недаром главные герои уже в двадцать лет не ощущают себя молодыми: *Никогда, ни в одну эпоху, ни в одной цивилизации никто так долго, так постоянно не думал о своем возрасте; сейчас в уме каждого ясна простая перспектива будущего: придет час, когда сумма физических радостей, которые ему уготованы в жизни, станет меньше, чем сумма ожидающих его страданий (в общем, человек знает, что счетчик работает – и крутится он в одну сторону). Такое раци-*

ональное взвешивание радостей и страданий, которым каждому рано или поздно приходится заняться, начиная с известного возраста, неизбежно ведет к мысли о суициде.

Как грустно констатирует М. Уэльбек, «мир, не уважающий ничего, кроме юности, мало-помалу пожирает человеческое Существо», и главное, как пишет автор, «ничто, включая самое смерть, не ужасает их так, как жизнь в ослабевшем теле». Единственным средством от страданий, переживаемых современным человечеством, автор считает достижение бессмертия и бесполового размножения человека и постепенно приводит читателя к этой мысли, рисуя картины несчастного, трагического, а порой и весьма неприглядного существования членов современного общества.

В финале романа Мишель Джерзински создает человечество нового типа, которое избавлено от мук, которым подвергались люди всех предшествующих эпох. Они избавлены от главных людских пороков. Выведя хромосомы, не поддающиеся мутациям, Мишель убивает из них все то, что влечет за собой агрессию, недовольство и насилие. По сути, освободив человечество от власти сексуальности, он из таких хромосом вырастил нового идеального человека: все они были женщинами. Будущее человечество не размножается половым путем, но при этом получает удовольствие, т. к. корпускулы Краузе расположены у него по всему телу. А старое человечество постепенно и добровольно вымирает.

Так М. Уэльбек через посредство своего героя отказывает человеку в искуплении или просветлении, но иронично предлагает взамен корпускулы Краузе. Так произошла гибель западной цивилизации и родился новый мир, в котором люди (люди ли?) обрели обновленные тела.

М. Уэльбек считает, что гибель человечества не будет для людей чем-то шокирующим и ошеломляющим, поскольку им не к чему стремиться, не за чем жить, не во что верить. Даже гибель их близких – давно уже всегонавсего случайный, досадный момент. Такой же, как в самом начале романа, когда описывается жизнь и смерть канарейки Мишеля Джерзински. Птица не могла жить в клетке, но и не смогла жить на воле. Когда она вылетела из клетки, то единственное, что смогла, – это судорожно вцепиться в прутья, не зная, что ей делать со своей свободой. Придя домой, Мишель замечает, что птица не поет, что она умерла, и равнодушно выкидывает ее в мусор-

ном пакете вместе с недоеденным ужином. И только иногда он вспоминает, что у него жила когда-то птица, что она умерла и надо куда-то деть пустую клетку.

Литература

1. Быховская И.М. Homo somatikus: аксиология человеческого тела. М.: Едиториал УРСС, 2000.
2. Кубарева Н.П. Зарубежная литература второй половины XX века. М.: Моск. лицей, 2002.
3. Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Вост. лит., 1996.
4. Ногез Д. Уэльбек как он есть / пер. с фр. А.Финогеновой. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
5. Подорога В.А. Феноменология тела. М.: Ad Marigem, 1995.
6. Уэльбек М. Элементарные частицы / пер. с фр. И. Васюченко, Г. Зингера. М.: Азбука-Классика, 2010.
7. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Избранное: в 2 т. М.: Просвещение, 1989. Т. 1.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистерium, 1996.
9. Шаталов А. «Мы живем счастливо...» // Дружба народов. 2001. № 10. С. 153–159.

* * *

1. Byihovskaya I.M. Homo somatikus: aksiologiya chelovecheskogo tela. M.: Editorial URSS, 2000.
2. Kubareva N.P. Zarubezhnaya literatura vtoroy polovinyi XX veka. M.: Mosk. litsey, 2002.
3. Moss M. Obschestvo. Obmen. Lichnost. Trudyi po sotsialnoy antropologii. M.: Vost. lit., 1996.
4. Nomez D. Uelbek kak on est / per. s fr. A.Finogenovoy. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2006.
5. Podoroga V.A. Fenomenologiya tela. M.: Ad Marigem, 1995.
6. Uelbek M. Elementarnyie chastitsyi / per. s fr. I. Vasyuchenko, G. Zingera. M.: Azbuka-Klassika, 2010.
7. Freyd Z. Neudovletvorennost kulturoy // Izbrannoe: v 2 t. M.: Prosveschenie, 1989. T. 1.
8. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. M.: Magisterium, 1996.
9. Shatalov A. «Myi zhivem schastlivo...» // Druzhba narodov. 2001. № 10. S. 153–159.

Issue of corporeality in the crisis space of the modern culture

There is considered the issue of corporeality as the phenomenon of the modern crisis culture based on the phenomenological, psychoanalytic and social approaches, revealed the issues of corporeality in the novel by Michel Houellebecq "Atomised".

Key words: corporeality, modern culture, sexuality, psychoanalysis, social approach.

(Статья поступила в редакцию 19.06.2014)